

МИХАИЛ АЛЕКСАНДР

ШЕСТЬ ЭКСПЕДИЦИЙ

Михаил Александр

Шесть экспедиций

«Издательские решения»

Александр М.

Шесть экспедиций / М. Александр — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837760-0

Единственная цель этой книги — донести до возможного читателя вкус и цвет тех удивительных времён и мест, где нам посчастливилось побывать, и побудить к поиску подобных чудес в собственном пространстве и времени. Пусть даже для этого придётся отправиться совершенно в иную сторону. Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры РФ и Союза российских писателей.

ISBN 978-5-44-837760-0

© Александр М.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1. Цели и средства	7
1	7
2	8
3	9
4	10
5	11
6	12
7	13
8	14
9	15
10	16
11	17
12	18
Глава 2. Начало пути	19
1	19
2	20
3	21
4	22
5	23
6	24
7	25
8	26
9	27
10	28
11	29
12	30
13	31
Глава 3. Природа сопротивляется	32
1	32
2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Шесть экспедиций

Михаил Александр

*Не привыкайте к чудесам —
Дивитесь им, дивитесь!
Не привыкайте к небесам,
Глазами к ним тянитесь.
Приглядывайтесь к облакам,
Прислушивайтесь к птицам,
Прикладывайтесь к родникам,
Ничто не повторится.
За мигom миг, за шагом шаг
Впадайте в изумленье.
Всё будет так — и всё не так
Через одно мгновенье.*

Вадим Шефнер

© Михаил Александр, 2017

ISBN 978-5-4483-7760-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Странно писать мемуары в тридцать с небольшим лет, не имея за плечами никакой особенной биографии. Наивно полагать, что опыт нескольких самостоятельных путешествий, лёгший в основу этой книги, является в чём-то уникальным: то были несложные пешие выезды во вполне популярные туристические места. Глупо представлять себя популяризатором подобного времяпрепровождения – есть другие авторы, красноречивее и убедительнее. Тем более нелепо этой книге претендовать на место в отделе публицистики любого толка. Однако мне легко назвать чувство, давшее начало настоящему сочинению. Это ощущение ускользающего времени и неуловимой, но в то же время необратимой перемены в пространстве, исключающей всякую возможность повторить пройденное. Трудно разделить в этом ощущении общественное и личное. Трудно описать суть упомянутой перемены. Многие поезда отправляются по прежнему расписанию, но это не должно вводить в заблуждение. Впрочем – и это совершенно точно – книга написана не ради сожаления о прошедшем и не ради сентиментального воспоминания. Единственная цель – донести до возможного читателя вкус и цвет тех удивительных времён и мест, где нам посчастливилось побывать, и побудить к поиску подобных чудес в собственном пространстве и времени. Пусть даже для этого придётся отправиться совершенно в иную сторону.

События, описываемые в книге, охватывают период с 2001 по 2011 год. Эти десять лет вмещают шесть путешествий, основные сведения о которых вы можете найти ниже. Перед скобками указана длительность активной, то есть пешеходной и сравнительно дикой части маршрута, а в скобках – полная длительность с учётом времени в дороге и стоянок среди цивилизации. В конце указана протяжённость активной части маршрута без учёта радиальных выходов, то есть однодневных прогулок без рюкзака, например, к ближайшей вершине.

1. Южный Урал. 2001 год. Златоуст – Таганайский национальный парк – Миасс. 9 (15) дней, 60 км.

2. Крым. 2002 год. Севастополь – Терновка – пещерные монастыри Юго-Западного Крыма – Бахчисарай – Большой каньон – Ялта – Балаклава – Инжир. 8 (19) дней, 55 км.

3. Полярный Урал. 2005 год. Ст. 110 км (ж/д линии Сейда – Лабытнанги) – озеро Хадата-Юган-Лор. 8 (16) дней, 105 км.

4. Горный Алтай. 2008 год. Чибит – перевал Орой – Шавлинские озёра. 12 (19) дней, 70 км.

5. Полярный Урал. 2009 год. Ст. 110 км (ж. д. линии Сейда – Лабытнанги) – озеро Хадата-Юган-Лор – Большое и Малое Щучье озёра. 12 (18) дней, 170 км.

6. Прибайкалье (Восточный Саян). 2011 год. Орлик – озеро Хара-Нур – падь Хи-Гол (Долина вулканов) – озеро Байкал. 10 (19) дней, 100 км.

Глава 1. Цели и средства

1

Мне часто вспоминается один августовский день. Дело было в центре Петербурга недалеко от места моей работы. Я только что вышел из кафе, где обедал. Несколькими днями ранее мы вернулись из первой экспедиции на Полярный Урал. Погожий летний день внезапно омрачился косматой тучей, резкий ветер погнал по улице песок и крупный мусор. В течение пары минут потемнело и почти сразу же полило. Люди кругом спасались как могли. Они уворачивались от капель так, словно это были камни или пули. Зрелище было вполне обычным, но впервые в жизни оно привлекло моё внимание. Поведение толпы показалось мне противоестественным. В конце концов, вода не причиняет никакого вреда. Тем более если на расстоянии часового перехода ты имеешь возможность переодеться и приготовить горячую пищу. Совершенно точно, что даже такие короткие вылазки на природу, как наши, сбивают фокус. Обычные вещи начинают видаться в несколько ином свете.

2

Я вполне отдаю себе отчёт в том, что сравнивать наши похождения с серьёзными экспедициями – всё равно что противопоставлять боевые действия новогоднему фейерверку. Как максимум детской игре в войнушку. Однако ожоговые отделения наших больниц в праздники бывают переполнены. Даже войнушка во дворе на короткую секунду бывает всерьёз. Я не хочу преувеличивать опасности, с которыми мы сталкивались, но несколько раз случилось, что мне приходилось говорить себе: то, что происходит, не компьютерная игра, это происходит на самом деле. Если сейчас не сдвинуться с места, ничего не произойдёт: ты не проснёшься в своей постели, не дождёшься монтажной склейки, придётся выбираться самому. Весь арсенал цивилизации не имеет большого смысла там, где нет связи и неоткуда ждать помощи. Ресурсы строго ограничены природой, составом группы и содержимым рюкзаков. Это важно почувствовать, прежде чем смеяться над чудесным эпизодом из американского фильма про полёт Аполлона-13. Там начальник полётов вываливает на стол дубликаты всех вещей, имеющихся на аварийном космическом корабле, и говорит: «Вам придётся соорудить решение проблемы вот из этого». Ничего другого у них нет. Это трудно осознать, подобно тому как трудно восторгаться наличием в воздухе кислорода, но в городской жизни наши ресурсы редко бывают так уж ограничены.

3

Самый отчаянный момент, связанный с горами, я пережил задолго до наших самостоятельных путешествий. К востоку от Петербурга есть река Волхов, в долине которой построена первая в Советском Союзе гидроэлектростанция. Ниже плотины река течёт в неглубоком каньоне с довольно крутыми берегами. На этих берегах мы когда-то, в школьные времена, искали окаменелости, то есть древние окаменевшие организмы. Однажды, продвигаясь по небольшому уступу, я ощутил, что земля в буквальном смысле уходит у меня из-под ног. Я рванулся вперёд и удержался на уступе, но позади рыхлая порода осыпалась, не оставив пути к отступлению. Впереди мой карниз упирался в скальный выступ, так что спуститься там не было возможности, подо мной оставалось шесть или семь метров почти отвесной скалы. В конечном счёте меня, разумеется, спасли при помощи пары длинных верёвок и нескольких сильных рук. Это было примерно так же серьёзно, как получить шишкой в лоб в бою за сокровища детского лагеря, но всё же несло в себе важный опыт. Обратимость – синоним безопасности. Когда во время первой экспедиции на Полярный Урал мы забрели в непроходимое болото, меня сильно утешала мысль о том, что в худшем случае у нас остаётся возможность вернуться той же дорогой. Ровно поэтому странно переживать насчёт дождя: все промокшие вещи рано или поздно высыхают и становятся тем, чем были. Кроме электроники, обратных билетов и паспорта, конечно. Убирайте их в полиэтилен и ни о чём не беспокойтесь.

4

Несомненно, даже в самых диких местах наших маршрутов мы, так или иначе, чувствовали присутствие цивилизации. Я не говорю о том, что наша одежда, рюкзаки, снаряжение никогда бы не были столь компактными, лёгкими и удобными без цивилизации (и в этом направлении прогресс за последние полвека весьма ощутим). Но те микродозы цивилизации, которые можно получить в отдалённых районах, позволяют лучше почувствовать её. Когда над непроходимым болотом, расположенным в совершенно безлюдной местности, пролетают самолёты (это, конечно, дальние рейсы – в основном из Европы в Восточную Азию), невольно возникает ощущение чуда. Во время второй экспедиции на Полярный Урал мы попали в густой туман. В сумерках белой ночи видимость не превышала десяти метров. В наших руках был GPS-навигатор – простейший, без карты, – который только показывал наши координаты, и хорошая бумажная карта с координатной сеткой. Сопоставляя показания навигатора с сеткой, мы узнавали наше положение на местности. Мы были лишены возможности видеть какие-либо ориентиры, и всё же нам удалось «по приборам» выйти точно в нужное место. В алтайское путешествие мы взяли с собой спутниковый телефон, который давал нам постоянную возможность связаться с внешним миром. Впрочем, на заре наших экспедиций даже сотовая связь была чудом. Год за годом мы наблюдали, как «шашечки» на телефонах продвигаются всё дальше и дальше в необитаемые места.

Полярный Урал. Озеро Большое Хадата-Юган-Лор

5

Сотовая связь погрузила нас в непрерывный поток новостей, который мы часто даже не замечаем. Не так важно, читаешь ли ты новости на сайтах, пользуясь мобильным интернетом, или узнаёшь по телефону от оставшихся дома родных, – ты не ощущаешь этого бесконечного потока до тех пор, пока не оказываешься из него выброшен хотя бы на несколько дней. Наряду со вполне объяснимой физиологически навязчивой жаждой некоторых продуктов (например, молочных, а также свежих фруктов и овощей) многие из нас испытывали в походах необъяснимую информационную жажду. Думаю, специалистам ещё предстоит найти объяснение странной зависимости от часто бесполезной информации, но, говорят, всякий путь к излечению начинается с осознания болезни. В день возвращения в цивилизацию, выбирая между холодным фруктовым соком и сводкой политических новостей, постигаешь масштаб проблемы. И, наоборот, в прощальном (перед походом) глотке лимонада на станции прибытия столько же желания уцепиться за – реальные или мнимые – блага цивилизации, сколько в неудобной зарядке того же телефона у капризной вагонной розетки. Кажется, будто закрашенные сегменты батарейки определяют силу твоей связи с тем, прожить без чего нет никакой возможности.

6

Выбираясь из этого потока, ты получаешь в награду не только время. Ты обретаешь свободные валентности, поры, каналы – назовите как угодно – в общем, возможности воспринимать мир иначе. Предполагаю, что ещё явственнее это ощущается в одиночных путешествиях (иначе мне трудно объяснить их популярность), но и наших было вполне достаточно, чтобы почувствовать разницу. Нетронутая природа обрушивается на тебя всей своей мощью. «Нетронутая природа» здесь не метафора, любимая авторами рекламы коттеджных посёлков в ближнем пригороде, но чистая правда. Представьте себя посреди широкой межгорной котловины, расположенной в тундре, то есть лишённой какой бы то ни было высокой растительности. Ширина этой долины измеряется несколькими километрами, длина – несколькими десятками километров. Все эти километры в ясный день просматриваются насквозь, и ни в одном направлении взгляд не встречает ни единого признака цивилизации – ни дороги, ни дома, ни транспорта, ни электрического света. Это сложно представить, но именно таким мы застали Полярный Урал. Следы человека здесь отсутствуют вовсе или минимальны. Конечно, суровые условия не располагают к бережному отношению к природе: то там, то тут мелькнёт ржавая гусеница или иная деталь вездехода, пустой газовый баллон, брошенный рваный ботинок. Но, как и население, эти артефакты встречаются здесь в ничтожном количестве и потому ничего не убавляют от ощущения нетронутости, а только усиливают его. В отличие от наших пригородных лесов, природа здесь выглядит победителем в борьбе человека за её укрощение и упрощение. Конечно, скажем, в Крыму или на Алтае эта победа не столь очевидна, но всё же и там горы диктуют свою волю. Людям остаётся приспособливаться, обживая узкие прибрежные полосы, возводя ежегодно новые мосты на месте снесённых паводками, прокладывая дороги и тропы по малейшим складкам рельефа. Но шаг в сторону от тропы, и природа вновь в своей власти, оплетает густой растительностью, завлекает в болото, угрожает сотней кровососущих, пугает камнепадом, сбивает дыхание на осыпающемся склоне, – в общем, требует доказательств твоей состоятельности.

7

Каждый изгиб земной поверхности удваивает и утраивает смыслы. Тому есть чисто математическое объяснение: в горах на квадрат плоской карты действительно приходится больше места, чем на равнине. Но всё же этот эффект слишком силён, чтобы объяснить его одной геометрией. Дневной переход в горах короче, чем на равнине (не только по прямому расстоянию от А до Б, но и по пройденному пути, поскольку в горах вы всегда вынуждены двигаться медленнее), значит, исторически информация распространялась в горах не так быстро. Кроме того, постоянная смена климатических поясов делала невозможным проникновение одних народов на территорию других, приспособленных к иным условиям. Это усиливало многообразие. Тут мне вспоминается прозрачная граница Финляндии и Норвегии – в Лапландии. Конец плоской, безлюдной финской тундры, начало зелёных холмов, быстро переходящих в горы, в точности совпадает с границей двух государств. И это едва ли случайно.

В Крыму на территории, равной по площади территории старой Москвы, разбросаны памятники десятка исторических эпох и народов. На Алтае, Урале или в Прибайкалье культурное разнообразие меньше, но природное – едва ли: степь, лес, тундра, реки, озёра, водопады, ледники, заснеженные горные пики, даже вулканы встречались нам на расстоянии нескольких часов или дней пути друг от друга. Необычное чувство значительности каждого шага (поскольку каждый шаг ощутимо приближает к очередной цели) невозможно сравнить ни с чем. В самом деле, по пути на Алтай трое суток в поезде практически не изменили пейзажа, ночь в автобусе дала больше, но ничто не сравнится с несколькими днями пешего пути, приведшего нас к заснеженным пикам Северо-Чуйского хребта.

Алтай. Река Шавла в среднем течении

8

Вероятно, на другом конце этой шкалы – скалолазание, чистый адреналин. Многие из моих друзей стали любителями этого прекрасного спорта, но он никогда не привлекал меня, во всяком случае, никогда не казался логичным продолжением того, что мы искали в горах. Разумеется, если говорить об интенсивности ощущений, скалолазанию практически нет равных. Но трудности продвижения для человека «средних способностей» здесь настолько велики, что итоговый путь – в сравнении с пройденным пешком – оказывается слишком короток. Я прекрасно понимаю, что совершенству нет предела, и многочисленные примеры великих альпинистов вроде Райнхольда Месснера убедительно доказывают, что жертвовать пройденным расстоянием из-за какой-то отвесной скалы совершенно необязательно. И всё же даже самые упорные из нас должны быть реалистами. Упорство, стремление к идеалу всегда вызывало во мне горячую симпатию, но, выбирая маршрут, я должен был помнить о границах своих возможностей. В этих границах я старался увеличить сумму впечатлений, а не их насыщенность. Чаще всего мы избегали отвесных скал.

9

За десять лет многое изменилось. Распространение интернета устранило ночные очереди к железнодорожным кассам на канале Грибоедова. Теперь требуется только проснуться вовремя, а затем быстро и безошибочно ввести данные пассажиров в поля электронной формы. Новая информационная система «Российских железных дорог» позволила покупать билеты с промежуточных станций, избавив от неудобств при возвращении. Доступная аэрофотосъёмка, впервые появившаяся на Google Maps, подарила возможность просматривать спутниковые снимки дорог и перевалов, отмечать озёра и ледники, точно рассчитывать расстояния. GPS-навигаторы донельзя упростили ориентирование на местности, позволяя даже отыскивать (правда, не без некоторых усилий) оставленные в лесу вещи и продукты для обратной дороги. Практически по любому маршруту можно найти достаточно отчётов и фотографий, часто настолько подробных, что само путешествие уже кажется ненужным после такого чтения. Разве что хорошие карты до сих пор остались старыми. Их – бережно отсканированные руками других путешественников – мы печатали с максимальным разрешением и ламинировали, то есть помещали под прозрачную плёнку, чтобы защитить от воды и грязи. Нумерованные пластинки оказались настолько удобными и надёжными, что использовались даже в качестве разделочной доски. Теперь они служат моим детям в качестве подставки для их пластилиновых шедевров.

10

Снаряжение тоже стало другим. Остались далеко в прошлом тяжёлые брезентовые палатки. Повсеместно распространились газовые горелки, заменив старые бензиновые примусы. Стала легче одежда, которую нынче стараются сделать тёплой, непромокаемой и дышащей одновременно. Сильно изменились рюкзаки, готовые теперь, кажется, подстроиться под любую фигуру. Специальная обувь, над которой – на ногах иностранцев – мы некогда смеялись в зарубежных поездках, норовит вытеснить с полки привычные кроссовки. Впрочем, с новой обувью отношения мои всегда складывались сложно. Сублимированное мясо и овощи теперь можно купить в магазине, и они – после размачивания – действительно напоминают о вкусе натуральных продуктов. Вместо тяжёлых и твёрдых сухарей – плоские хлебцы, удобные в транспортировке. Нельзя отрицать, что все эти изменения сильно упростили жизнь путешественников. Став легче и удобнее, наши рюкзаки теперь позволяют планировать более долгие маршруты, взбираться на более крутые склоны, проникать в самые дикие места. Впрочем, совершенству нет предела: в руках французского врача на одном испанском склоне я видел лёгкий спальник, обещающий выдержать температуру до -50 градусов. Когда-нибудь такой спальник будет, наверное, умещаться в кармане.

11

С годами, набираясь опыта, мы учились всё лучше организовывать наши поездки. Этим сложно гордиться: думаю, более способные ученики были способны к более быстрому обучению. Всё же мы проделали большой путь. Хорошо помню, как во время первой экспедиции мы взяли с собой три одолженные у знакомых палатки, только одну из которых удалось поставить удовлетворительно, причём я не уверен, что в том была хоть малейшая вина палаток. Соевое мясо напоминало губку и приобретало вкус всякой приправы, добавленной в бульон. Химические обеды быстрого приготовления в хрупких пластиковых коробочках рассыпались по рюкзакам, прижатые объёмными мешками с каменными сухарями. Самодельное сублимированное мясо даже после суток замачивания оставалось глухо к нашим мольбам восстановить прежние свойства. На Полярном Урале мы узнали, как дорого может обойтись неточное описание маршрута. Тогда же, выходя из поезда, едва не забыли одну палатку из двух – в условиях даже летнего Заполярья с его полчищами гнуса и частыми дождями это событие могло бы иметь незабываемые последствия. На Алтае мы выяснили, что связь по рации между первым и замыкающим не защищает от потери участника группы, и затем нужен целый день на его поиски. Две последние экспедиции представляются мне наиболее успешными в плане организации, но и в Прибайкалье пройденный нами маршрут сильно отличался от намеченного. А ведь это тоже ошибка организации: недооценка препятствий, переоценка собственных сил, недостаточно точное представление о тропах и перевалах. Опыт подобного планирования оказался ценен в обычной жизни, несмотря на все очевидные особенности жизни экспедиционной.

12

Мою повесть легко обвинить в бесчеловечности в том буквальном смысле, что на её страницах почти не будет людей, во всяком случае, нас – отдельных участников тех событий. Вообще, местоимение «мы», наверное, окажется самым частым словом в тексте. Естественно, что конкретный состав этого «мы» менялся от похода к походу: в шести описанных экспедициях, в общей сложности, приняли участие около тридцати человек. Каждый из них достоин отдельного рассказа, но эти рассказы трудно совместить с повествованием о природных красотах, ведь люди так уникальны, переменчивы и недолговечны. Всё же мне хочется закончить вступление словами благодарности в адрес всех тех, без кого случившееся не было возможно – без преувеличения, поскольку я никогда не решился бы на одиночный поход. Я должен извиниться за то, что, используя «мы», говорю в какой-то степени и от их имени, хотя уверен, что в чём-то они воспринимали происходящее иначе. Я очень надеюсь, что они не жалеют о содеянном, и оно составляет ценную частичку их опыта. Мой опыт подсказывает, что трудности – и физическая усталость, и недостаток комфорта, и даже ссоры – забываются, но воспоминания о покорённых вершинах (пусть высотой всего пару сотен метров) остаются в памяти надолго.

Глава 2. Начало пути

1

Началу нашего первого похода по Южному Уралу предшествовало двухдневное железнодорожное путешествие через доселе неведомые районы огромной страны. С детства мне была хорошо знакома дорога на юг через Орёл, Курск и Белгород с её быстрой сменой растительности: сначала пшеничные поля и яблоневые сады, потом бескрайние посевы подсолнухов и кукурузы, под конец – степные районы южной Украины и северного Крыма. При движении на восток пейзаж практически не менялся, а в Златоусте никак не чувствовалась удалённость от дома: те же породы деревьев, то же освещение, то же небо, на котором без труда различаешь признаки перемены погоды. Годом позже мы следили за привычным чередованием климатических зон на пути в Крым. Вылазки на северо-восток, напротив, позволяли увидеть картину постепенного оскудения природы: всё ниже становились деревья, всё обширнее болота, берёзы и осины отступали под натиском лиственниц, закалённых в боях с сильными ветрами и глубоким снегом. Те же лиственницы, впрочем, торжествовали и в куда более благоприятных условиях Алтая и Прибайкалья. Лес, составленный из лиственницы и кедра, выглядит парадно даже по сравнению с карельскими сосновыми борами. Яркая, сочная зелень этих прекрасных деревьев чудно гармонирует с глубоким голубым цветом южно-сибирского неба, почти лишённого примеси водяного пара. Алтайское или прибайкальское ясное утро – это постоянное ощущение праздника от свежести красок, неведомой ни дому, ни Северу, ни выжженным солнцем крымским степям.

2

Я отлично помню тот июльский день 2001 года, когда рейсовый автобус вёз нас от вокзала Златоуста ко входу в Таганайский национальный парк. Другой, уже арендованный прямо на месте микроавтобус, густо набитый людьми и рюкзаками, годом позже приближал нас к Крымским горам. На Полярном Урале не обошлось без помощи тяжёлого грузовика и вездехода: местная дорога непроходима для обычных машин, и даже могучая техника местами с трудом преодолевала гигантские промоины в дорожном полотне и пересекала вброд мелкие ручьи. На Алтае заранее заказанный автобус довёз нас до самого начала маршрута. Чтобы подобраться к Долине вулканов в Саянах нам пришлось использовать сразу несколько видов транспорта: сперва самолёт, затем поезд, потом автобус и, наконец, тяжёлый грузовик, который с огромной скоростью мчался по разбитой дороге.

В общем, организация заброски в популярных туристических местах никогда не составляла труда. В любой местности, где живут люди, всегда находится достаточно желающих заработать на перевозке и достаточно техники, приспособленной для местных дорог. Конечно, состояние этих дорог нередко придавало поездке характер рискованного аттракциона, но в том, определённо, была своя прелесть. В каждом путешествии этот момент запоминается надолго: последний транспорт исчезает в тумане, в пыли, за поворотом дороги — мы остаёмся одни.

Алтай. Река Шавла в верхнем течении

3

Первые шаги по дороге или тропе, первое знакомство с новым пейзажем – всё это тоже на годы остаётся в памяти. На Таганае хорошо набитая дорога вела нас по густому лесу, разветвляясь местами на несколько параллельных рукавов. Такой лес мог расти где угодно, даже где-нибудь под Лугой. Горы предполагались впереди, но долгое время никак не давали о себе знать. Только русла ручьёв были непривычно каменистыми, а перепады высот слегка утомляли. Через год первый подъём от крымского села Терновка стоил нам большого напряжения сил. То же повторилось и на Алтае: тяжёлый рюкзак, жара, большой уклон. Второй раз было проще: опыт подсказывал, что эти минуты – самые трудные на маршруте. Конечно, подъёмы были и дальше, а груз за плечами таял гораздо медленнее, чем хотелось бы. Но адаптация делала своё дело – тело приучалось выбирать темп и рассчитывать свои силы. В первые же минуты казалось, что это конец маршрута: каждый следующий шаг представлялся победой над пространством. Я часто думал, что со стороны наша борьба с гравитацией, должно быть, смотрелась забавно. В отличие от наших южных путешествий, полярноуральские вылазки не предполагали препятствий вроде жары или рельефа. Первые часы и дни мы шли почти по равнине в окружении невысоких холмов, лишь изредка преодолевая вброд небольшие ручьи и более полноводные реки. Только позже, когда тропы стали совсем неразличимы в зарослях карликовой берёзы, среди поросших мхом и морошкой мокрых кочек, скорость движения значительно снизилась. Но к тому времени мы успели достаточно адаптироваться к реалиям походной жизни и потому могли избежать острых приступов паники, которые накатывали на первых жарких подъёмах: «Чтоб я ещё хоть когда-нибудь!..» и т. п.

4

Согласно плану, в первый день Алтайского похода мы должны были подняться на 1100 метров по вертикали. Следует трезво оценивать свои силы, прежде чем строить подобные планы. К наступлению темноты, абсолютно измученные, мы поднялись приблизительно на 50 метров от уровня реки, с которой стартовали. Поскольку добраться до воды нам при этом не удалось, пришлось спускаться за водой к этой самой реке. Только на второй день пути ценой огромных усилий мы поднялись на 800 метров и только на третий смогли преодолеть седло перевала, которого предполагали достичь ещё к концу первого дня. Такое начало всегда обескураживает. Когда на то, на что предполагалось потратить день, уходит три, невольно пересчитываешь в уме весь дальнейший маршрут, причём с тем же «поправочным коэффициентом». На практике всё обычно обстоит лучше. Но и надеяться на то, что отставание удастся наверстать, всё же не стоит. Вообще, хорошо, если маршрут предполагает несколько возможностей его сократить – не только развернувшись назад на полпути, но и отказавшись от отдельных препятствий или достопримечательностей. Конечно, на трудных участках огромную роль играет физическая подготовка. На равнине различие более и менее подготовленных групп не так велико – здесь побеждают, скорее, более организованные группы, способные рано проснуться и быстро собраться. На крутых подъёмах даже идеальная организация не может компенсировать недостаток выносливости: скорость движения сильно снижается, а интервалы ходьбы (или, лучше сказать, ползбы) становятся слишком короткими. В Прибайкалье и на Полярном Урале заброска была окончена ближе к вечеру, но всё же мы сочли важным сдвинуться с места выгрузки и пройти несколько километров по тропе, чтобы начинать первый «официальный» ходовой день с более выгодной позиции. В обоих случаях небольшой по расстоянию выигрыш оказался очень важен психологически и сэкономил нам на следующее утро несколько часов драгоценного времени.

5

Незабываемым был вечер дня заброски во время первой экспедиции на Полярный Урал. Всё время, пока мы ехали в открытом кузове грузовика (или, точнее, самосвала), шёл проливной дождь. К исходу тридцатикилометрового пути мы промокли в буквальном смысле до нитки – одежду можно было выжимать. Конечно, в рюкзаках было достаточно тщательно упакованной в полиэтилен чистой и сухой одежды (большое преимущество первого дня), но просто переодеваться не имело смысла: дождь не прекращался. Опыт установки палаток в подобных условиях мы уже приобрели, так что с этим справились без труда. А вот готовить ужин в сумеречной, безлесной, мокрой, продуваемой ветром тундре ещё не приходилось. Естественно, пейзаж не был для нас неожиданностью: нисколько не рассчитывая на дрова (тем более на сухие), мы запаслись достаточным количеством газа в баллонах. Но только через час бесплодных усилий мы поняли, что в некоторых условиях – холодный ветер, сильный дождь – вскипятить воду на газовой горелке не представляется возможным ни за какое время. Напрасно мы сооружали цилиндрические заслоны из палаточных ковриков, напрасно пытались укрыть котёл сверху – вода не закипала. Вероятно, самым простым решением было бы улечься спать голодными и понадеяться на улучшение погоды к утру. Но подобные решения направляют на скользкий путь: улучшение условий вовсе не гарантировано, физическое же состояние будет только ухудшаться. Отказываться от приготовления пищи (равно как и от прочих ежедневных ритуалов) можно накануне отъезда, когда срок возвращения в цивилизацию со всеми её благами уже близок. В начале маршрута это недопустимо. Поэтому мы с величайшими предосторожностями перенесли горелку в палатку и всё же приготовили горячий суп, усиленный сублимированным мясом и сухарями. Мне кажется, что я до сих пор помню волшебный, ни с чем не сравнимый вкус этого супа.

6

В такие минуты слаженность команды, её мотивация, моральный дух играют огромную роль. Важно повторить: в конечном счёте в наших «экспедициях» речь, в общем, не шла о жизни и смерти, или даже о какой-либо существенной опасности для здоровья. Очевидно, даже не найди мы силы на приготовление этого супа, ничего страшного не случилось бы. Но шансы пройти маршрут существенно зависят от способности не терять форму в подобных ситуациях, не накапливать проблемы и не тратить чрезмерных сил на их решение. Чёткая организация походного быта, продуманность раскладки и снаряжения очень помогают экономить ресурсы, важнейшими из которых являются силы и время. В описаниях настоящих, серьёзных экспедиций меня всегда поражало, какое внимание их организаторы уделяли, казалось бы, второстепенным вещам вроде гигиены или уборки лагеря. Кажется: в лютых условиях какой-нибудь Антарктиды вопрос обогрева и пропитания является намного более важным, чем какая-нибудь чистка зубов. Однако мелкие нарушения ритуалов имеют свойство накапливаться, подобно неполным строчкам в тетрисе, и постепенно подтачивают быт, требуя всё больше сил на борьбу с неустройством. Конечно, в трёхдневном походе это накопление может не дать о себе знать. Ты можешь иметь три комплекта сухой одежды и не заниматься её сушкой, а просто складывать мокрые вещи в рюкзак, чтобы высушить их дома. Но в десятидневном путешествии такой подход уже не годится. Нечто подобное можно сказать и об иных слагаемых походного быта.

7

Конец первого дня пути на Южном Урале мы встречали на обширной стоянке «Белый ключ» в нескольких километрах к северо-востоку от Златоуста. Стоянка представляет собой множество раскиданных по лесу полянок на небольшом расстоянии друг от друга. Каждая полянка была занята отдельной туристической группой. В густом лесу нам удалось без особого труда найти дрова, погода стояла прекрасная, – в общем, вечер у костра прошёл легко и не имел ничего общего с будущей борьбой за горячий суп. В этих местах быстро темнело, так что очередную вылазку за дровами пришлось совершать уже в полной темноте. Фонарика у меня с собой не было (издержки организации), поэтому я перемещался на ощупь в неожиданно кромешной (совершенно незнакомой городскому жителю) темноте. Внезапно я обнаружил, что на меня смотрят. То были два немигающих зеленоватых глаза, глядящих откуда-то снизу, с уровня земли. Глаза светились в темноте. Я замер. «Животное. Очевидно, некрупное и, следовательно неопасное», – рассуждало некоторое устройство внутри головы, которое впервые показалось мне как бы независимым от остального тела. «Нужно просто подождать, и оно уйдёт. Не может же оно сидеть на одном месте вечно». Секунды соединялись в минуты, животное, однако, не двигалось и по-прежнему, что казалось особенно подозрительным, не моргало. Я осторожно пошевелился в надежде, что его таким образом удастся спугнуть, но это не возымело эффекта. Наконец, я осторожно попятился назад. Позади слышался смех и голоса, а также треск дров в костре. Неподвижные глаза провожали меня с чувством очевидного превосходства. Казалось, что они упивались своей победой.

8

Лиственничный лес в долине реки Жомболок в Саянах был наполнен звоном колокольчиков. В этом странном лесу, начисто лишённом подлеска, медленно бродили коровы. Только что мы купили на ферме немного молока к ужину. Сумерки сгустились стремительно, лишив нас возможности отыскать дрова, впрочем, мы были вполне готовы к тому, чтобы приготовить первый ужин на газе. Однако, сходить за водой всё же требовалось. Река лежала метрах в трёхстах вниз по пологому травянистому склону. Было удивительно перемещаться по пустому пространству этого леса, наблюдая силуэты редких и могучих деревьев на фоне гаснущего неба. Коровы, лишённые колокольчиков, предупреждали о себе тяжёлым дыханием и фырканием, хрустом суставов, угадываемым издали движением могучей массы. Чуть раньше мы наблюдали, как огромное стадо загоняли на ферму, но некоторые животные, очевидно, решили пренебречь распорядком. По обыкновению флегматично они рвали и без того короткую траву и мало интересовались человеком с котелком в руке, который, несъедобный с ног до котелка, был для них, очевидно, весьма скучным зрелищем.

Восточный Саян. Хутор в долине р. Жомболок

9

Мы вернулись к зелёным глазам минутами позже с выключенным фонариком в руке. Глаза были на месте. Любопытство распирало. Палец нащупал кнопку. «Сейчас всё выяснится», – громко, почти торжествующе предупредило устройство внутри головы. Вспыхнул яркий свет. На короткую секунду мы непроизвольно зажмурились – этого нельзя было избежать. Но когда открыли глаза, ничего не было. Луч фонаря напрасно шарил по сухим листьям, мокрой траве и мху, ощупывал стволы деревьев и беспорядочные нагромождения кустарника. Нигде не было никаких признаков живого существа – ни шелеста, ни панического движения. «Видимо, оно сбежало», – рассудило устройство и дало команду рукам выключить свет. «Как оно успело?» – засомневалось устройство вдогонку своей команде, но было поздно: свет погас. Первое, что смогли различить привыкающие к темноте глаза, – два неподвижных зеленоватых глаза, глядящих из темноты с того же самого места, что и прежде.

10

Пещерный монастырь Чилтер (иногда пишут «Челтер», но крымскотатарское *çilter* всё же предполагает «и») расположен в скале над селом Терновка, в лесу на вершине которой мы разбили свой первый лагерь в Крыму. Среди участников экспедиции царило приподнятое настроение: тяжелейший подъём остался позади, в роднике удалось найти достаточно воды для завтрака и ужина. То была обычная лесная стоянка, на первый взгляд, ничем не отличающаяся от всего, что могло бы нас окружать и в родных краях. Впрочем, ощущение близости к дому быстро улетучивалось, стоило только заглянуть в лес. Здесь всё было другим: породы деревьев и кустарников, запах, казалось, даже звуки. Мы ночевали в палатке на некотором удалении от лагеря, на самом краю обрыва. Отсюда в дневное время открывался захватывающий вид на долину, а вдалеке за отрогами главной гряды Крымских гор даже виднелось море. Ночью моря не было видно, но долина светилась внизу россыпью огней, усиливая невероятное ощущение бескрайнего пространства под и перед нами. На рассвете тени редких облаков скользили по зеленовато-жёлтой поверхности и таяли вдали без следа.

Крым. Большой каньон, р. Аузун-Узень

11

Мы снова включили свет и стали медленно приближаться к «глазам». То и дело выключая фонарь «для контроля» (огоньки были на месте), мы приблизились вплотную к основанию ствола тонкой осины, которая стояла смирно, словно боясь шелохнуться. Уже стало ясно, что никакого животного тут нет: свечение исходило непосредственно от ствола, а вернее, небольших, малоприметных наростов на стволе. Я достал небольшой нож и поддел нарост. Выключив фонарик, я мог убедиться, что «глаз» остался у меня в руках, но в то же время и ствол в месте пореза продолжал слабо светиться зелёным. Не помню, кто из моих спутников первым произнёс слово «гнилушка». Устройство в голове, словно устыдившись своей беспомощности, смолкло. Я стоял совершенно ошеломлённый, держа в руках комочек светящейся материи, даже на ощупь ничем не отличавшейся от обычной щепки. Конечно, я когда-то что-то слышал о подобных грибах – наверное, на уроке природоведения или, позже, географии. Но как же далеки были те уроки в безопасной тишине класса от реальности – долгих минут суеверного страха перед неведомым...

12

Той ночью мне было сложно заснуть. Первая полевая ночь – после волнений и суеты дороги, после впечатлений и трудностей первого дня – часто выходит бессонной. Палаточный коврик выглядит жалкой заменой привычному матрасу. Это позже физическая усталость словно прижимает к импровизированной подушке: после семичасового перехода спится крепко почти в любых условиях. Лёжа на жёсткой пенке, невольно перебираешь в памяти снаряжение, пересчитываешь запасы продовольствия, вспоминаешь фрагменты чужих отчётов, крутишь в голове вроде бы выученные наизусть карты. В первую ночь цивилизация ещё совсем близко: не поздно вернуться и докупить что-нибудь в сельской лавке или у местных жителей, в крайнем случае, остановить проезжающий грузовик или вездеход... Впрочем, мы ни разу не пользовались этой возможностью всерьёз. То, что заменяло нам неведомое, простиралось впереди и манило к себе, даже если, как, например, в Крыму, на деле представляло собой сеть дорог весьма общего пользования, соединявших вполне обычные, в общем, сёла.

13

Утром первого «настоящего» дня в Саянах мы обнаружили, что горы, в окружении которых мы заночевали накануне, начисто исчезли. Здесь выяснилось, что для перемены пейзажа даже необязательно двигаться с места – достаточно дожждаться перемены погоды. Густой туман заволок всю долину Жомболока. Пока готовили завтрак и собирались, призрачный лес с коровьими колокольчиками постепенно светлел и становился тем, чем был: светлым лиственничным лесом. Ко времени выхода на маршрут последние клочки тумана ещё жались к зелёным, местами каменистым склонам. Вскоре и они исчезли. Во всех шести экспедициях погода в первый день пути благоприятствовала нам. Не знаю, чего в этом было больше – благородства или коварства. Природа будто завлекала нас в свои объятия, чтобы затем, спустя несколько дней, обрушить на голову многодневные запасы воды. Самый впечатляющий ливень накрыл нас близ вершины Ай-Петри, куда мы забрались при помощи нанятого микроавтобуса. Вода не падала сверху, а словно набегала сбоку и даже чуть снизу, со стороны моря. Казалось, это его солёные брызги долетают к нам с линии далёкого прибоя, делая бесполезными любые средства защиты. Но каждому столкновению с водной стихией неизменно предшествовали несколько дней борьбы со стихией земной.

Глава 3. Природа сопротивляется

1

В трёх из шести экспедиций мы были вынуждены полностью изменить первоначальные планы из-за недостаточно хорошей (можно сказать, плохой) подготовки маршрута. В Крыму плана вообще не было, поэтому нарушить его было сложно, но и там непредвиденные ситуации случались едва ли не каждый день. Только южно-уральская экспедиция и вторая экспедиция на Полярный Урал прошли относительно гладко. Первая – из-за большого запаса времени и небольшой протяжённости маршрута (хотя подготовку и там никак нельзя считать удовлетворительной). Последняя – потому, что мы отчасти шли по уже знакомой дороге (слово «дорога» здесь не более чем фигура речи), тоже имели определённый (хотя и не столь большой) запас времени, и потому, что смогли вовремя собраться для преодоления возникших трудностей. В трёх же случаях природа поставила на нашем пути непреодолимые заслоны, причём для этого ей не потребовалось почти ничего из её грозного арсенала: ни шторма, ни ливня, ни холода, ни водной преграды, ни камнепада, ни отвесной скалы.

2

К началу третьего полноценного дня первого полярноуральского похода мы преодолели небольшое ущелье, ведущее из долины Большой Усы в долину ручья Изъяшор. Эта вторая долина, о которой я уже упоминал в начале, представляет собой огромную, лишённую всякой высокой растительности межгорную котловину, вытянутую в общем направлении с северо-востока на юго-запад. В хорошую погоду видимость здесь достигает десятков километров в каждую сторону. На западе можно увидеть, как заканчиваются Уральские горы, плавно перетекая в бесконечную, ровную, однообразную тундру на европейской стороне хребта. На востоке взгляд упирается в вершины Хадатинского массива – это сердце гор, перегиб, за которым они вновь становятся ниже. Где-то среди этих грозных – по местным меркам – вершин укрылось озеро Хадата-Юган-Лор, наша ближайшая цель. По плану мы должны были придерживаться обозначенного на карте пунктира вездеходной дороги, который выводил из ущелья, вёл на дальний берег ручья и затем полого поворачивал к северо-востоку. У нас были по меньшей мере два основания усомниться в карте ещё до входа в злополучную долину. Во-первых, обозначенный там пунктир самым подозрительным образом обрывался вскоре после брода через ручей. Во-вторых, ещё раньше, в ущелье, мы не обнаружили на местности никаких следов упомянутого пунктира (а обрывистый спуск и вовсе оставлял глубокие сомнения в том, что ущелье может быть преодолимо для вездехода, во всяком случае в летнее время). Тем не менее, не придав должного значения этим тревожным приметам, мы бодро спустились в долину, переправились через ручей и двинулись на северо-восток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.